

Веч. кичб. - 1996. - 17 сент. - с. 7.

Вернисаж "ВК"

Михаил Ромадин
родился в 1940
году.

В 1963-м окончил
ВГИК.

Принимал участие
в постановке
фильмов:
"Первый учитель",
"Дворянское
гнездо"

(с А. Боймом,
Н. Двигубским),
"История Аси
Клячиной...",
"Солярис".

С 1986 года
участвует
в международных
выставках.
Его работы
приобретены
Музеем Инвалидов
в Париже,
Музеем Людвига
в Кельне,
музеем
в Нью-Джерси.

**Михаил
РОМАДИН:**

— Как вы считаете, Михаил Николаевич, наши художники сумели занять свою нишу в современном мировом искусстве?

— Нет, на мой взгляд, этого не произошло. Я ни разу не видел работ советских художников в западных музеях. Я имею в виду работы после 20-х годов, то есть после Малевича, Кандинского, которые, конечно, присутствуют в каждом уважающем себя музее. Говорят, что-то есть в частных собраниях, но вот прийти в "Метрополитен" и увидеть там советского художника невозможно. Последний русский художник, который по-настоящему признан на Западе, как мне кажется, — Сергей Шаршун. Несколько его работ я видел в Музее современного искусства в Париже.

— Вы надеетесь продолжить прерванную связь времен?

— Надеюсь доказать, что я чего-то стою. На Западе я становлюсь гораздо большим патриотом, чем здесь. Там я — представитель русской школы живописи и стремлюсь доказать ее значимость. Русская музыка, русская литература всеми признаны, а вот чтобы всеми была признана современная русская живопись, этого сказать нельзя.

— Бывали случаи, когда вам заказывали бизнесмены?

— В Америке я нарисовал семью одного нефтепромышленника с собакой на пуховике. Достаточно иронично. Кстати сказать, я думаю, они это поняли. Усмехались, смеялись и были очень довольны работой. Правда, потом хозяйка попросила, чтобы я нарисовал ее сына немножко потоньше — он очень толстый мальчик с тремя подбородками. Я сделал над собой усилие и, уменьшив количество подбородков до двух, получил за это дополнитель-

ное вознаграждение. А вообще, конечно, лучше, когда покупают не заказанную работу. Если бы у меня были деньги, я бы даже издал книгу "Дальнейшая жизнь произведения искусства". У меня нет детей. Мои картины — это мои дети. Поэтому для меня очень важно: где они окажутся, в чьи руки попадут, как будут одеты — в каких рамах, в каком стекле, в каких интерьерах.

— Вы полагаете, это так важно — где висит картина?

— У меня есть работа "Тетя Маша и домовая". Тетя Маша — известный человек в Тверской области. Она — знахарка, лекаря, художница. Она ткет несказанной красоты половики. Но главное — она славится тем, что может изгонять домовых. Вот я ее и написал с домовым. Она мотает пряжу, а домовая разматывает. Все это было в годы ранней перестройки. Картину купило Министерство культуры и отправило в... Днепрпетровск. Почему? Почему не в Тверской музей? Непонятно. В Днепрпетровске это будет просто портрет старушки. В Твери же ее знают. Она исторически связана с этим городом, ее деревня Трестна находится в этой области. К чему я говорю? Каждая картина должна очититься у своего владельца. В том месте, для которого она написана, — по точному адресу.

— Жалко вам прода-

вашему, можно ли утверждать, что в каких-то странах художественный вкус развит больше, а в каких-то меньше?

— Мне кажется, да. Отношение к искусству заложено в характере нации. Вот мы, например, жили на юге США, в Техасе. Техасцы не церемонятся и платят хорошие деньги, если им что-то нравится. Но нельзя сказать, что у них прекрасный вкус. Порой невозможно предсказать, что им понравится. Я-то ведь знаю цену своим работам — какая из них лучше, какая хуже. А техасец, когда покупает, подойдет и ткнет пальцем — это о'кей! И почему он выбрал то, а не это, не поймешь. Бывает, что действительно выбрали хорошую, удачную работу, бывает — наоборот, слабую. А французы... Я проверял много раз. На всех, кого встречал. От водителя грузовика и кончая известным коллекционером. Так вот, французы всегда выбирают самое лучшее. Всегда! Это удивительно, но любой француз обладает художественным вкусом. Я знал одного человека из французской деревни. Он был хозяином двух микроавтобусов. Ну какой это со-

— Можете вы заранее предположить, какая из выставленных вами работ скорее всего заинтересует коллекционеров?

— Те люди, которые говорят, что знают, какие работы надо выставлять, они-то чаще всего и ошибаются. Я сам ничего не могу понять в этом бизнесе. Например, у меня сейчас была выставка в Moscow-ART. Я сделал явно некоммерческие работы. Стопроцентно. Даже моя жена мне говорила: "Ты бы сделал что-нибудь легкое, чтобы хоть как-то оправдать затраты на стекло, рамы и прочее". И вдруг из семи выставленных работ четыре приобретают! Еще пример. У меня была маленькая выставка в армянской галерее в Париже. В ней всегда выставляются только армяне. В тот раз они сделали исключение и пригласили двух русских художников. Мне были нужны деньги, и я решил нарисовать армянскую церковь, чтоб хоть что-то продать. И что вы думаете? На армянскую церковь даже не обратили внимание, а приобрели шесть остальных работ! Делаеться явно коммерческую вещь, а она становится некоммерческой. Непонятно...

своего стиля. На Западе есть художники, которым как бы разрешено менять свои направления, менять стиль. Мы знаем, что такими были Пикассо, Дали. При этом всегда подчеркивается: "Но это же Пикассо! Но это же Дали! Ты на это права не имеешь". А я считаю, что имею. В свое время я прошел школу абстракционизма, лет семь писал только абстрактные картины, из-за чего постоянно конфликтовал с отцом. Сейчас пишу иначе, хотя мои работы — и старые, и новые — несут конструкцию и гармонию абстрактной картины.

— Однако в вашем разнообразии есть то, что присуще только вам...

— Конечно. Например, насыщенные деталями присущие и моим поздним акварелям, и моим ранним работам. Я стремлюсь делать такие картины, которые можно было бы долго рассматривать. Чтобы все время находить и находить в них что-то новое.

— Я знаю, что вы никогда не делаете предварительных эскизов. Почему?

— Для меня очень важно успеть все запечатлеть, пока у меня есть ощущение контакта с действительностью. Вот почему никогда не делаю вначале рисунок карандашом, чтобы потом переводить его в акварель или в масло. Если я сделаю эскиз, то "контакт" будет в эскизе, но не в картине. Я рисую с угла, постепнно заполняя все пространство холста. Не возвращаясь. То, что пройдено на холсте, то и готово.

— Скажите честно: живопись для вас в какой-то мере игра?

— Разумеется. Мне всегда интересно, чем картина закончится. Например, если я начал с левого нижнего угла, то чем все закончится в правом верхнем. Это постоянная игра, которую я переживаю. Когда рисунок по-настоящему хорошо идет, я забываю о времени и могу писать удивительно долго. И усталость чувствую только по окончании сеанса. В 91-м году, во время московского путча, я дни и ночи напролет рисовал на баррикадах и сделал одиннадцать работ за три дня. "Горбатый мост", "Портреты защитников Белого дома", — панки, казаки, интеллигенты. Люди на баррикадах неожиданно оказались красивыми — их одухотворило чувство свободы. Сразу возникло желание все это нарисовать.

— Чувство определяет все?

— Нет, так сказать нельзя. Бывают работы и придуманные, срежиссированные. Все определяет ощущение формы. Я подчиняю себя неким ритмам, неким перспективам, которые сам себе диктую.

— Это и есть свобода?

— Да. Это и есть свобода. Но, к сожалению, по-настоящему она нужна очень малому количеству людей.

Встречался Андрей ДОВОЛЬСКИЙ. На снимке: репродукция картины "20 августа. Баррикады на Горбатов мосту".

Вкус свободы — это художественный вкус

вать свои работы?

— Раньше жалел. Мне хотелось оставить их все у себя: ведь каждая — этап жизни, когда смотришь на картину, вспоминаешь время, когда ее писал. Но сейчас я считаю, что, если картина получает своего владельца, это нормально. Мы не вечны, и с собой картины не унесешь. Гораздо печальнее судьба художника, когда после смерти его наследство остается неразобранным, невостребованным.

— Ваши выставки прошли в США, Париже, Женеве, Давосе. Как по-

циальный слой? Средний? Так вот, однажды он покупает у меня вид его родной деревни, а потом приглашает к себе домой. И что же я там вижу? У него висит рисунок Жана Кокто, который он купил на аукционе в Ницце. У него висит рисунок Цезаря. Это водитель автобуса! Он даже не знает, кто такой Цезарь, просто ему понравился рисунок, и он его купил. У него висят картины, без которых он не представляет свое жилище.

— Они стали частью его быта...

— Да, частью быта.

— Вы свободны в своем творчестве?

— Может быть, даже слишком свободен, если говорить о моем стилевом разнообразии. На Западе художник должен узнаваться по штриху, по мазку. И если уж он нашел свой стиль, то не должен с него сворачивать ни в коем случае. Я даже однажды написал на эту тему статью "Стиль или Свобода?". Мне кажется, что свобода — как в жизни, так и в искусстве — важнее всего. Человек, который не изменяет найденную стилистику, становится работ-